

*Джиму, навсегда
И еще
Ум-ма и Ап-ба
За ваше самопожертвование и любовь*

Гипербарическая оксигенация — метод применения кислорода под давлением выше атмосферного. Процедура проводится в специальной барокамере, которая обеспечивает подачу 100% кислорода под давлением в три раза больше нормального. Сферы применения гипербарической оксигенации ограничиваются рисками возникновения пожара и взрывоопасностью кислорода. Также существует отдельная терапия гипербарической оксигенацией.

*Словарь медицинских терминов Мосби,
издание 9 (2013)*

ПРОИСШЕСТВИЕ

*Миракл Крик, Вирджиния
Вторник, 26 августа 2008*

Однажды муж попросил меня солгать — так, по ерунде. Для него, возможно, это даже не было ложью, да и мне сначала так показалось. Пустяковая просьба, в сущности. Полиция только что отпустила демонстрантов, и он пошел проследить, чтобы те не вернулись, а я должна была посидеть на его месте. Прикрыть, как делают все коллеги, как и мы раньше прикрывали друг друга, пока работали в бакалее и я бегала перекусить, а он на перекур. И вот я уселась на его место, оперлась о стол, и диплом на стене сразу же покосился, словно напоминая, что это не обычное дело, что не случайно он раньше ничего мне не доверял.

Пак потянулся у меня над головой поправить рамку и в очередной раз прочитал: «Пак Ю, ООО “Субмарина Чудес”, лицензия на осуществление ГБО». Не отрывая глаз от диплома, словно обращаясь к нему, а не ко мне, он сказал:

— Все уже готово. Пациенты в камерах, кислород пущен. Просто посиди здесь.

Потом он наконец перевел взгляд на меня и добавил, что делать ничего не надо.

Я бросила взгляд на пульт управления, на непонятные кнопки и рычажки, управлявшие барокамерой, которую мы

всего месяц назад покрасили в нежно-голубой цвет и установили в этом ангаре.

— А если пациенты позовут? Я, конечно, скажу, что ты скоро вернешься, но...

— Ни в коем случае, они не должны узнать, что я уходил. Если кто спросит, я на месте. Я все время здесь.

— А если что-то пойдет не так ...

— Ну что может пойти не так? — с уверенностью произнес Пак. — Я вернусь быстро, они не позовут. Ничего не случится.

И он пошел, тем самым ставя точку в нашем споре. С порога он оглянулся на меня и уже мягче, будто умоляя, повторил:

— Ничего не случится.

Как только дверь ангара захлопнулась, мне захотелось крикнуть ему вслед, что только сумасшедший может быть так уверен, что все будет хорошо, ведь сегодня все идет наперекосяк: демонстранты, их план, перебои с электричеством, полиция. Или он считал, раз столько всего произошло, то хуже уже некуда? Но в жизни все устроено иначе. Одна трагедия не дает иммунитета к последующим трагедиям, несчастья не выдаются в строгой дозировке. Все плохое вываливают на вас комьями и потоками, с которыми невозможно справиться. Как он мог этого не понимать после всего, что мы пережили?

Первые двенадцать минут я сидела молча и ничего не делала, как он и велел. У меня по лицу градом катился пот, я думала о том, каково же тем шестерым пациентам, запертым внутри камеры без кондиционера (генератора хватало на системы давления, подачи кислорода и внутренней связи. Я благодарила Бога за то, что у нас есть переносной DVD-плеер и дети сидят спокойно, поскольку могут смотреть мультфильм. Я все время напоминала сама себе, что мужу надо доверять, и ждала, поглядывая то на часы, то на дверь, то опять на часы, молясь, чтобы он вернулся прежде, чем закончится мультфильм «Барни и друзья» и пациенты попросят поставить им

Смерть в Миракл Крик

следующий. В тот момент, когда из-за двери донеслись буквально первые звуки финальной песни, у меня неожиданно встрепенулся телефон. Звонил Пак.

— Они здесь, — прошептал он. — Я останусь тут, присмотрю, чтобы они ничего не натворили. Тебе нужно будет выключить кислород, когда закончится процедура. Видишь ручку?

— Да, но...

— Повернешь ее против часовой стрелки, до упора. Поставь себе будильник, чтобы не забыть. В восемь двадцать по большим часам, — строго уточнил он и незамедлительно окончил разговор.

Я потрогала ручку, подписанную «кислород», оттенка выцветшей меди, как скрипучий кран в нашей старой квартире в Сеуле. Сверила свои часы с большими, выставила будильник на восемь двадцать. В тот момент, когда я нажимала кнопку «включить», плеер выключился, и я изумленно опустила руки.

Я часто вспоминаю этот миг. Смерти, паралич, судебное разбирательство — можно ли было всего этого избежать, нажми я ту кнопку? Знаю, странно, что чаще всего я вспоминаю именно этот момент, хотя совершила тем вечером немало ошибок. Наверное, дело в том, что это пустяк, и кажущаяся незначимость наполняет его силой и вариантами. А если бы плеер меня не отвлек? А если бы я нажимала кнопку на микросекунду быстрее, если бы успела включить будильник до того, как плеер выключился посреди песни? «Я тебя люблю, ты любишь меня, мы счастливая семья...»

Пустота момента, отсутствие каких-либо звуков, такое давящее и гнетущее, навалились на меня, сжали в тиски. Услышав наконец шум, стук костяшек пальцев изнутри по замочной скважине, я почти испытала облегчение. Стук усилился, колотили уже кулаками, по три удара, словно выстукивая «Вы-пус-ти», потом уже без остановок, и я поняла, что теперь об дверь бьется голова Тиджея. Тиджей, мальчик-аутист, обожает фиолетового динозаврика Барни, а при первой нашей встрече он подбежал и крепко-крепко меня об-

нял. Его маму это умилило. Она сказала, что раньше он никогда никого не обнимал, он вообще терпеть не может прикосновения. Наверное, дело было в моей футболке, она ровно того же цвета, что и Барни. С тех пор я каждый день носила эту футболку, стирала вручную каждый вечер и надевала специально на его сеансы. И каждый день он меня обнимал. Все думают, я очень добрая, но на самом деле мне самой это нужно. Мне нужно, чтобы он обвивал меня своими ручками и стискивал, как раньше делала дочь, пока не стала отстраняться от объятий. Мне нравится целовать его в макушку, нравится, как его рыжие кудряшки щекочут мне губы. А теперь мальчик, чьи объятия мне так дороги, бьется головой о стальную стену.

Он не сумасшедший. Его мама объяснила, что ТиДжей страдает от хронических болей из-за болезни Крона, но он не говорит, и когда боль становится слишком сильной, он снимает ее единственным доступным ему способом: бьется головой о что-нибудь, чтобы новая резкая боль заглушила старую. Знаете, иногда бывает порез, который уже не можешь терпеть, и ты расчесываешь его до крови, и это такая приятная боль, только в его случае боль в сотни раз сильнее. Однажды она рассказала мне, как ТиДжей разбил окно лицом. Меня ужаснуло, что восьмилетнего мальчика терзают столь сильные боли, что ему приходится биться головой о металл.

Итак, реалии того момента — звук этой боли, непрекращающийся стук. Упорство, нарастающая настойчивость. Каждый удар создавал вибрации, которые отражались внутри меня и превращались во что-то оформленное, увесистое. Оно шевелилось во мне. Я чувствовала, как оно рвется сквозь кожу, выворачивает меня наизнанку, заставляет сердце биться в такт, все быстрее и сильнее.

Я должна была это остановить. Вот мое оправдание. Поэтому я выбежала из ангара, оставив шесть человек в ловушке в запертой комнате. Я хотела сравить давление и открыть камеру, вызволить ТиДжея, но не знала, как. К тому

Смерть в Миракл Крик

же, мама ТиДжея по внутренней связи попросила меня (точнее, Пака) не прекращать сеанс. Она успокоит сына, но только вставьте новые батарейки и снова запустите диск с Барни! У нас дома (а жили мы совсем рядом) где-то были батарейки. Бежать туда всего двадцать секунд, кислород выключать еще через пять минут. И я ушла. А сначала прикрыла рот, чтобы приглушить звук, и сказала низким голосом с сильным акцентом, как Пак:

— Мы заменим батарейки. Подождите пару минут.

Дверь дома стояла нараспашку, и я на секунду понадеялась, что Мэри дома, прибирается, как я ей и велела, и хоть что-то сегодня идет как должно. Но вот я зашла, а ее нет. Я одна, понятия не имею, где батарейки, и помочь мне некому. Я все время чего-то такого ожидала, секундная надежда заставила ожидания взлететь до небес, и теперь они рухнули. Я сказала себя успокоиться и принялась копаться в сером стальном шкафу, который служил нам кладовкой. Куртки. Инструкции. Провода. Ни следа батареек. Я захлопнула дверь, шкаф пошатнулся, тонкий металл задребезжал и застучал, словно эхо от ударов ТиДжея. Я представила себе, как его голова раскалывается, будто спелый арбуз, от очередного удара о сталь.

Я встряхнула головой, отгоняя мысль. «Ме-хе-я» — звала я Мэри ненавистным ей корейским именем. Тишина. Я знала, что ответа не будет, но меня это все равно разозлило. Я еще раз крикнула: «Ме-хе-я!» — на этот раз громче и больше растягивая гласные. Звуки раздирали горло, болью прогоняя фантомное эхо ударов ТиДжея, все еще стучавших у меня в ушах.

Я обыскала остальной дом, коробку за коробкой. С каждой секундой поисков впустую мое раздражение росло, я вспоминала, как мы ссорились тем утром, как я сказала, что она должна больше помогать, ведь ей уже семнадцать, а она ушла без единого слова. Я вспомнила, как Пак встал на ее защиту, впрочем, как обычно. («Не для того мы бросили все и уехали в Америку, чтобы она тут готовила и уби-

рала», — говорил он обычно.) Я вспомнила, как Мэри закатила глаза, заткнула уши наушниками и сделала вид, что ничего не слышит. Мне необходимо было подогреть злость, занять чем-то ум и прогнать назойливый стук. Злость на дочь была такой знакомой и уютной, как старое одеяло. Она успокоила меня, сбавив панику до тупого беспокойства.

Добравшись до коробки в спальном углу Мэри, я резко сдернула крышку с крестом и вывалила все на пол. Обычный подростковый мусор: порванные билеты на фильмы, которых я не видела, фотографии друзей, о которых я не знала, стопка записок — на верхней было спешно накарябано: «Я ждал. Может, завтра?»

Мне хотелось кричать. Где же батарейки? (И в глубине сознания: Кто это написал? Парень? Зачем он ее ждал?) Тут у меня зазвонил телефон — снова Пак. Посмотрев на часы, я увидела время: 8:22. И вспомнила про будильник и кислород.

Подняв трубку, я хотела было объяснить, что не выключила кислород, но скоро выключу. И ведь это не страшно, он тоже иногда оставляет дольше, чем на час. Но вместо этого у меня вырвались другие слова. Как рвота, неконтролируемый поток.

— Мэри нигде нет, — сказала я. — Мы все это делаем ради нее, а ее нет, она мне нужна, она должна помочь мне найти новые батарейки для плеера, пока ТиДжей не размозжил себе голову.

— Вечно ты думаешь о ней что-то плохое. Она здесь, помогает мне, — ответил он. — Батарейки под раковиной на кухне. Я пошлю за ними Мэри, а ты не уходи от пациентов. Мэри, иди, возьми четыре батарейки для плеера и отнеси в ангар. Я приду через...

Я повесила трубку. Иногда лучше промолчать.

Подбежала к раковине. Батарейки лежали там, ровно как он сказал, в пакете, который я приняла за мусорный, под грязными, покрытыми копотью перчатками. Еще вчера они были чистыми. Что же Пак в них делал?

Смерть в Миракл Крик

Я встряхнула головой. Батарейки. Теперь к ТиДжею. Выбежала на улицу. В воздухе разливался, ударяя мне в нос, незнакомый запах — мокрого обугленного дерева. Уже темнело, видно было плохо, но я различила вдалеке Пака, несущегося к ангару.

Мэри бежала впереди.

— Мэри, не торопись! Я нашла батарейки! — крикнула я, но она не остановилась. Она бежала не к дому, а к ангару. — Мэри, стой! — повторила я, но она не послушалась. Она пробежала мимо двери ангара к задней его части. Не знаю, почему, но меня это напугало. Я снова позвала ее, на этот раз корейским именем Мехея и тише, и побежала следом. Она обернулась. Что-то в выражении ее лица заставило меня остановиться. Оно будто сияло. Оранжевый свет покрывал ее кожу, подрагивал, будто она стояла прямо напротив садящегося солнца. Мне захотелось дотронуться до ее лица и сказать ей, что она прекрасна.

Я услышала какой-то шум у нее за спиной. Походил на треск, но приглушенный. Как будто стая гусей взмывает ввысь, синхронно расправляя сотни крыльев, чтобы подняться в небо. Мне показалось, я их даже увидела, серую завесу, дрожащую на ветру, уносящуюся все выше в сумрачное фиолетовое небо, но я моргнула и небо опустело. Я побежала на звук и тогда увидела то, что она уже видела, к чему она и бежала.

Пламя.

Дым.

Задняя стена ангара полыхала.

Не знаю, почему я не побежала и не закричала, не знаю, почему этого не сделала Мэри. Я в состоянии была только медленно идти, осторожно, шаг за шагом приближаясь, не отводя глаз от красно-оранжевых языков пламени, дрожащих, пляшущих, скачущих с места на место.

Когда раздался грохот, у меня подкосились колени, и я упала. Но я не отрывала взгляд от дочери. Каждую ночь с тех пор, когда я выключаю свет перед сном и закрываю глаза,

Энджи Ким

я вижу ее, мою Ме-хе, какой она была в тот момент. Ее тело взлетает, как тряпичная кукла, и дугой пролетает по воздуху. Изящно. Элегантно. За мгновение перед тем, как она с глухим ударом приземляется на землю, я вижу, как развевается в воздухе ее хвостик. Так же, как когда она маленькой девочкой прыгала через скакалку.

ГОД СПУСТЯ: СУД: ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Понедельник, 17 августа 2009

ЯНГ Ю

Входя в зал суда, она чувствовала себя невестой. Собственно, на ее свадьбе, в последний и единственный раз при ее появлении, такая же толпа людей замолкла и повернулась посмотреть на нее. Если бы не разнообразие в цвете волос и не обрывки шепотков на английском, доносившиеся, пока она шла по проходу: «Смотрите, владельцы», «Дочь месяца лежала в коме, бедняжка», «Он парализован, это ужасно», — она бы подумала, что до сих пор в Корее.

Маленький зал суда даже чем-то напоминал старую церковь со скрипучими деревянными скамьями по обеим сторонам прохода. Она не поднимала головы, ровно как на венчании двадцать лет назад. Она не привыкла быть в центре внимания, это казалось неправильным. Скромность, умение смешаться с толпой, невидимость — вот достоинства хорошей жены, а вовсе не скандалы и безвкусица. Разве не затем невесты надевают фату, чтобы защитить себя от лишних взглядов, приглушить разругавшиеся щеки? Она огляделась. Справа, за представителями обвинения, она заметила знакомые лица родственников их пациентов.

Пациенты только один раз собирались все вместе — в прошлом июле, на церемонии открытия около ангара. Ее муж открыл двери, чтобы показать свежевыкрашенную голубым камеру, и с гордостью сказал:

— Это Субмарина Чудес. Чистый кислород. Высокое давление. Исцеление. Вместе.

Все захлопали. Матери зарыдали. И вот, они же, мрачные, надежда на чудо на лицах сменилась любопытством людей, хватающих журналы в очередях супермаркетов. И еще примешалась жалость, неясно только, к ней или к самим себе. Она ожидала злобы, но они улыбались ей, пока она шла мимо, и приходилось напоминать себе, что она здесь жертва. Она не в роли подзащитной, не ее обвиняли во взрыве, убившем двух пациентов. Она повторяла себе то, что Пак говорил ей каждый день: пожар вызван не тем, что они оба отлучились из ангара тем вечером. Если бы он был на месте, он не смог бы его предотвратить. Она попыталась улыбнуться в ответ. Хорошо, что они на ее стороне. Она это знала. Но оставалось ощущение, что она этого не заслужила, что это неправильно, будто полученный обманом приз. И вместо того, чтобы подбодрить ее, их поддержка лишь давила ей на плечи, внушая беспокойство, что Бог увидит и исправит несправедливость, заставит ее заплатить за ложь иным способом.

Когда Янг подошла к деревянному ограждению, она поборола внезапное желание перепрыгнуть заборчик и сесть за столом защиты. Она села с семьей позади прокурора, рядом с Мэттом и Терезой. Это были двое из тех, кто оказался в ловушке в Субмарине тем вечером. Она давно их не видела, с самой больницы. Никто не поздоровался. Они смотрели в пол. Они были жертвами.

Здание суда находилось в Пайнбурге, соседнем городке. Странное дело, эти названия: совершенно не соответствовали ожиданиям. Миракл Крик, в народе называемая просто Бухтой Чудес, вовсе вовсе не походила на место, где случались чудеса, если только не считать чудом то, что люди жили там годами

Смерть в Миракл Крик

и не сходили с ума от скуки. В этом месте была дешевая земля, хотя там больше не жили азиаты и, вероятно, вообще иммигрантов не было. Городок находился всего в часе езды от Вашингтона, недалеко от очагов современности, таких как аэропорт Вашингтон Даллес, но складывалось ощущение, что ты в глухой деревне в часах от цивилизации, совершенно в ином мире. Грязные колеи вместо бетонных переулков. Коров больше, чем машин. Полуразрушенные деревянные лачуги вместо высоток из стекла и стали. Виды словно кадры из рябящего черно-белого фильма. Возникла ассоциация с вещью, которую использовали и выкинули. Когда Янг впервые увидела это место, ей захотелось достать мельчайшие частицы мусора из карманов и выбросить как можно дальше.

Несмотря на простое название и близость к Бухте Чудес, Пайнбург был очарователен. Узкие мощеные улицы с рядами магазинчиков во французском стиле, выкрашенных в различные яркие цвета. Торговый ряд на Мэйн Стрит напоминал Янг о ее любимом рынке в Сеуле с его легендарными овощными рядами: шпинатный зеленый, перечно-красный, свекольно-фиолетовый, оранжевый как хурма. Только услышав описание, она бы сочла картинку безвкусицей, но в жизни было наоборот: смешение резких тонов словно приглушало их, так что все вместе выглядело изящно и мило.

Здание суда было расположено у подножья холма, по бокам тянулись ряды виноградников. Геометрическая точность обеспечивала зданию умеренную прохладу, и казалось очень уместным, что именно суд разместился среди ровных рядов виноградных лоз.

В то утро, осматривая здание с высокими белыми колоннами, Янг подумала, что она впервые так приблизилась к Америке. В Корее, когда Пак решил, что им с Мэри следует переехать в Балтимор, она ходила в книжные и изучила фотографии Америки — Капитолий, небоскребы Манхэттена, Внутренняя гавань. За пять лет в Америке она ни одну из этих достопримечательностей так и не увидела. Первые четыре года она проработала в магазине

в двух милях от Внутренней Гавани, но в районе, который называли «гетто», где люди теснились как селедки в бочке и повсюду валялись битые бутылки. Крошечный сейф из пуленепробиваемого стекла — вот ее Америка.

Забавно, насколько отчаянно она мечтала вырваться из мира решеток, и как она теперь по нему тосковала. Бухта Чудес существовала изолированно, как остров. Люди жили там веками, население не менялось. Поначалу она думала, что просто нужно время, и жители оттают, поэтому прикладывала усилия, чтобы подружиться с особенно приятной на вид семьей по соседству. Но потом она поняла — они не станут приятными, они вежливо недружелюбные. Янг был знаком этот тип людей. Ее мама сама была такой, она скрывала нежелание общаться под слоем хороших манер, как иные пользуются духами, чтобы скрыть запах тела. Чем хуже состояние тела, тем больше нужно маскировки. Их застывшая сверхвежливость — вечная улыбка со сжатыми губами на лице жены, «мэм» из уст мужа в начале или конце каждого предложения — держали Янг на расстоянии и подчеркивали ее статус чужака. Хотя многие ее клиенты в Балтиморе были вздорными, сварливыми, вечно жаловались на все подряд — на слишком высокие цены, слишком теплую содовую, слишком тонкую нарезку колбасы, в их грубости чувствовалась искренность, в их криках слышались доверительные отношения. Как вечно дерущиеся близнецы. Они ничего не скрывали.

В прошлом году Пак присоединился к ним в Америке. Они стали присматривать жилье в Аннандейле, в корейском квартале штата Колумбия, расположенном неподалеку от Бухты Чудес. Огонь положил этому конец, они до сих пор обитали в своем «временном» жилище. Разваливающаяся лачуга в ветхом городишке нисколько не напоминала фотографии из книг. До сегодняшнего дня самым красивым местом в Америке, увиденном Янг, была больница, где Пак и Мэри лежали много месяцев после взрыва.

В зале суда было шумно. Гудели вовсе не люди — пострадавшие, юристы, журналисты и прочие, а два старомод-